

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XVIII¹⁾.

Неожиданные союзники.

Бороться съ укоренѣлыми англійскими предрасудками — во времена Биконсфильда — было вовсе не легко: требовалось даже исключительное мужество, чтобы отстаивать нѣкоторые русскіе взгляды и вѣрованія въ Англии.

Тѣмъ не менѣе, среди самыхъ и даже либеральныхъ англичанъ появлялись иногда и люди, которые защищали даже драконовскія строгости, когда дѣло касалось ихъ собственныхъ колоній.

Такія противорѣчія были крайне любопытны.

Такъ, напримѣръ, лордъ Морлей открыто заявилъ себя ярымъ противникомъ конституціоннаго правленія въ Индіи.

Такъ 17 декабря 1908 г. онъ сказалъ въ Палатѣ лордовъ слѣдующее: „Если бы кто-нибудь попытался ввести представительное правленіе въ Индіи, или если бы теперешнія реформы направлены были къ подобному режиму тамъ, то я рѣшительно отказался бы отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, я лично противъ подобнаго управленія.

Если бъ я прожилъ даже двадцать разъ долѣе, чѣмъ я могу прожить, то конституція въ Индіи не входила бы въ мои планы“.

Лордъ Морлей предаетъ анаѳемѣ парламентское управленіе Азіи, а извѣстный писатель Фрудъ идетъ гораздо дальше; онъ распространяетъ это мнѣніе на весь міръ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

Всѣ же такія заявленія придавали бодрость Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Г-жу Новикову часто упрекали въ Англіи за ея твердую защиту самодержавія въ Россіи.

Она утверждала всегда, что волей-неволей приходится считаться въ особенностяхъ каждой страны и не судить все огульно.

Откровенное мнѣніе лорда Морлея совпало съ ея собственнымъ.

Такого сильнаго союзника Ольга Алексѣевна не могла не цѣнить.

Особенно характерны слѣдующія слова этого талантливаго представителя либерализма въ Англіи:

„Я понимаю, что при скоромъ судопроизводствѣ“—говоритъ онъ, могутъ быть опасности и ошибки: я думаю, едва-ли кто-нибудь лучше меня знаетъ эти невыгодныя стороны, но есть случаи, когда правительство обязано допустить этотъ рискъ и уплатить эту цѣну, какъ бы высока она ни казалась.

„Это все равно, что война, вещь ненавистная сама по себѣ, однако самые большіе поклонники мира и нѣкоторые власти земли, имена которыхъ должны чтить съ благоговѣніемъ, какъ любители мира, отъ войны не отказываются. Вопросъ весь въ томъ, таково ли нынѣшнее положеніе въ Индіи, чтобы оправдать мѣры нашего правительства? Я не могу себѣ представить, чтобы, читая непреувеличенныя рѣчи и списокъ преступленій совершившихся и предполагаемыхъ, о которыхъ говорили въ Калькутѣ въ пятницу, кто-нибудь сомнѣвался въ необходимости ускореннаго судопроизводства.

„За границей склонны критиковать наше деспотичное законодательство, на основаніяхъ мнѣ непонятныхъ. Не наша вина, что мы должны прибѣгать къ нѣкоторымъ мѣрамъ. Мы должны защищать жизнь нашихъ офицеровъ, мы обязаны защищать мирныхъ и безвредныхъ жителей Индіи, какъ коренныхъ, такъ и европейцевъ одинаково отъ кровопролитнаго опустошенія. Мы глубоко сожалѣемъ объ этихъ мѣрахъ, но мы обязаны считаться съ дѣйствительностью и не правительство здѣсь, или въ Индіи создало эту обязанность.

„Нужно откровенно признаться въ этой необходимости.

„Я одобряю наши мѣры и буду всячески поддерживать нашихъ представителей въ Индіи“.

Неудивительно, говоритъ Стэдъ, что г-жа Новикова была благодарна лорду Морлею. Ея неизмѣнное поборничество за Россію было причиной недружелюбнаго отношенія къ ней русскихъ революціонеровъ и людей, сочувствующихъ имъ. Между

послѣдними было нѣсколько ея прежнихъ друзей и союзниковъ въ Англіи въ борьбѣ противъ Турціи. Гладстонъ всегда относился съ строгой корректностью къ внутреннимъ дѣламъ Россіи. „Турція была подъ нашей опекой,—говорилъ онъ,—спасена отъ разрушенія британскимъ оружіемъ и существуетъ теперь лишь благодаря европейскому договору. Россія—независимая держава, и было бы неумѣстно англичанамъ вмѣшиваться въ ея домашнія дѣла, равно какъ, если бы русскіе захотѣли вмѣшаться въ неудовольствія Ирландіи. Нѣкоторые коллеги Гладстона были другого мнѣнія.

Въ Англіи не было болѣе смѣлаго борца за столь непопулярную идею о самодержавіи, какъ г-жа Новикова.

И она привлекла къ себѣ англичанъ именно своей отважностью, неоднократно повторялъ Стэдъ.

„Будь я англичанкой, я вѣроятно была бы либералкой, будь я американкой, я несомнѣнно была бы республиканкой, говорила она, но какъ русская, я вѣрю въ самодержавіе.

Оно было полезно Россіи, самодержавіе, безъ самодержца, или конституціонализмъ, доведенный до деспотизма массъ, съ примѣсью обмана насъ не привлекаетъ.

Мы вѣримъ нашему Государю, потому что мы обязаны самодержавію нашимъ существованіемъ, успѣхами цивилизаціи и освобожденіемъ болѣе сорока милліоновъ крѣпостныхъ по волѣ Царя, дѣло совершенное всего въ два года, комитетомъ, Имъ назначеннымъ.

Изстари славяне грѣшили склонностью къ анархіи. Не будь этого, мы избѣжали бы междуусобныхъ войнъ, ужасовъ татарскаго ига и польскаго „не дозволимъ“, приведшаго Польшу къ раздѣлу.

Немного больше, чѣмъ столѣтіе, какъ замѣчаетъ извѣстный французскій писатель Рамбо, въ Россіи существовало не менѣе шестидесяти четырехъ удѣловъ, съ 235 соперничающихъ князей, несогласіе которыхъ было причиной восьмидесяти трехъ междуусобныхъ войнъ. Несчастливая страна наша, потрясаемая этими непрерывными ссорами, сдѣлалась добычей всѣхъ своихъ сосѣдей. Одни половцы нападали на русскую землю сорокъ шесть разъ за это время. Возмездіе явилось въ нашествіи татаръ. Россію наполнила волна азіатскаго варварства и два столѣтія Россія, почти, не существовала. Во мракѣ и отчаяньи этихъ ужасныхъ столѣтій, русскіе поняли необходимость создать сильную центральную власть и слѣпо подчиниться ей. Послѣ того, какъ основано самодержавіе, татары были поко-

рены и Россія освобождена. Она вышла изъ татарскаго плѣна окровавленной и разбитой, но все же націей и государствомъ.

Въ Англіи просвѣщеніе началось снизу, народъ велъ, повелители слѣдовали, въ Россіи наоборотъ, Россія—Имперія деревень; огромныя пространства, безъ всякихъ путей сообщенія, препятствуютъ возможности скорого распространенія знанія. Государи настоящіе преобразователи Россіи, заключаетъ Рамбо.

Защищая самодержавіе, г-жа Новикова, выражала желаніе имѣть, какъ бывало встарь, Земскіе соборы.

Выражая свою полную преданность Императору Александру III этого замѣчательнаго и самоотверженнаго русскаго патріота, она говорила: Къ его всемогуществу желательно прибавить всевѣдѣнія. Въ нашей исторіи бывали случаи, когда такая освѣдомленность себя проявляла.

Земскій Соборъ былъ естественнымъ развитіемъ нашего политическаго роста. То были собранія представителей со всѣхъ концовъ Россіи съ духовенствомъ, иногда даже съ патріархомъ во главѣ.

Это было учрежденіе, не постоянное, какъ англійскій парламентъ, гдѣ люди обязаны говорить рѣчи, хотя часто они знаютъ, что сказать нечего и что едва-ли ихъ слушаютъ.

Этимъ учрежденіемъ, пожалуй, можно любоваться, но лишь съ литературной точки зрѣнія.

Конечно, при каждомъ человѣческомъ учрежденіи есть свои невыгодныя стороны.

Мы желали бы прежде всего, чтобы нашъ Государь сталъ ближе къ своему народу, и чтобъ онъ самъ видѣлъ наши нужды, наши недостатки, чтобъ онъ зналъ погрѣшности нѣкоторыхъ изъ его должностныхъ лицъ, ихъ небрежное отношеніе къ обязанностямъ. Эти послѣднія иногда боятся такой близости отношеній и всячески стараются скрывать факты, которые Императоръ могъ бы узнать.

Земскій Соборъ, составленный изъ высшаго духовенства, дворянъ и купцовъ, могъ бы служить этой цѣли даже теперь. Екатерина Великая поручила созванному ею представительному собранію написать новые законы.

Самодержавіе — оружіе, которому послѣ освобожденія крепостныхъ суждено сдѣлать еще много преобразованій.

Въ Англіи такъ мало извѣстно о Земскомъ Соборѣ, пишетъ Ольга Алексѣевна, что меня извиняютъ за поясненіе того, какъ скромны были желанія русскаго національнаго общества. Слово

„Соборъ“ означаетъ собраніе, Земскій Соборъ есть собраніе людей, призываемыхъ изъ всего государства, въ то время, когда страна нуждалась въ откровенномъ и честномъ мнѣніи.

На дняхъ меня любезно посѣтилъ одинъ изъ членовъ англійскаго парламента. Онъ имѣлъ весьма важный видъ, монотонно и поучительно говорилъ о Россіи и о многихъ ея недостаткахъ, гдѣ онъ никогда даже не бывалъ.

Въ 1880 г. правительственныя власти считали Земскій Соборъ опасной поддержкой революціи въ Россіи.

Цензоръ даже запретилъ книгу г-жи Новиковой „Россія и Англія“ за главу о Земскомъ Соборѣ. А эта книга, недопускаемая въ Россіи въ теченіе 2-хъ лѣтъ, самая краснорѣчивая, по мнѣнію Стѣда, самая патріотическая и самая существенная защита Россіи, какая когда-либо была написана, на какомъ бы то ни было языкѣ.

Ея запрещеніе вызвало много насмѣшекъ надъ русскимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Она вызвала удивленіе и похвалы извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и европейскихъ ученыхъ.

Девять лѣтъ спустя, Стѣдъ издалъ сочиненіе: „Соединенные Штаты Европы“, написанное исключительно въ видахъ распространенія въ Европѣ предложенія Государя Императора собрать мирную конференцію о разоруженіяхъ, состоявшуюся въ Гаагѣ въ 1899 г.

Муравьевъ, котораго я посѣтилъ, говоритъ Стѣдъ, въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, горячо меня благодарилъ за этотъ трудъ.

„Благодарю Васъ“, сказалъ я, улыбаясь, я не ожидалъ услышать это по двумъ причинамъ, первая: что я себѣ позволилъ критиковать политику г-на Муравьева, а вторая то, что я только-что получилъ извѣстіе, что книга конфискована цензоромъ на почтѣ.

Министръ пожалъ плечами, „о, эти цензоры. Что касается осужденія Вами моей политики, я могу сказать, что жалѣю, что Вы несогласны со мной, но чтобъ я сердился за это—никогда. Я Вамъ расскажу исторію, продолжалъ министръ, когда я былъ маленькимъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, мнѣ давали иногда порученіе развозить статьи для помѣщенія въ газетахъ. Вы, конечно, знаете, что это дѣло простое: столько-то франковъ на столъ и столько-то мѣста въ газетѣ на другой день. Обѣздивъ редакціи, я возвратился очень недовольный. Начальникъ мой спросилъ, что я дѣлалъ? Бро-

салъ русскія деньги и безъ всякой пользы, отвѣчалъ я. Почему, спросилъ тотъ? „Потому“, объяснялъ я, что статья, которую Вы послали меня отдать въ печать, полна такихъ похвалъ, что правительство Архангеловъ не заслужило бы большихъ. Каждый глупецъ, который ее прочтетъ, сейчасъ увидитъ, что это реклама, продиктованная и заплаченная столько за строку. Это ненужная трата русскихъ денегъ. Съ тѣхъ поръ я всегда помню правило: дѣлая салатъ, не забудьте объ укусѣ, т. е. необходимо иногда допускать и слово упрека.

Къ сожалѣнію, русскіе цензоры не такъ благоразумно рассуждаютъ, только этимъ можно объяснить, что книга г-жи Новиковой два года не появлялась въ Россіи.

Когда графъ Игнатьевъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ заѣхалъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ Москвѣ; она ему сообщила инцидентъ съ цензоромъ; графъ разсердился на глупость своего подчиненнаго и послалъ тотчасъ же депешу въ Петербургъ разрѣшить продажу книги. Но политическія статьи не долговѣчны и трудно оживаютъ послѣ двухлѣтней ссылки.

„Ils vivent ce que vivent les gores. L'espace d'un matin“.

Ея защита Россіи была принята съ большимъ энтузіазмомъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было этого ожидать, напримѣръ, г. Emile de Lovelye, очень восхищался этимъ произведеніемъ. Онъ пишетъ:

12-го апрѣля 1879 г.

Защита самодержавія г-жи Новиковой необыкновенно краснорѣчива, писалъ онъ, кромѣ того, съ точки зрѣнія общепринятой, она удивительно обоснована. Русскіе Государя дали Россіи ея теперешнее значеніе и ввели въ нее западную культуру.

„Парламентская система едва-ли годилась бы для Россіи и, въ дѣйствительности, она приводитъ уже къ печальнымъ результатамъ на континентѣ.“

Извѣстный историкъ Фрудъ не терялъ случая обращать вниманіе г-жи Новиковой на дурныя стороны конституцій. Вотъ, что онъ писалъ объ общихъ выборахъ въ Англіи 1880 года.

25-го апрѣля 1880 г.

„Трудно себѣ представить странныя перемѣны въ человѣческихъ мысляхъ. Газеты, шумѣвшія зимой противъ Гладстона, убѣждены теперь, что онъ лучшій ;въ мірѣ государственнй человѣкъ. Чернь, бившая его окна, стремилась привѣтствовать его пріѣздъ въ Лондонъ и наполняла ежедневно Хар-

лей-стригъ, чтобъ только взглянуть на него. И такому народу дано управлять всей Великобританіей! Ихъ милые голоса, при нашей знаменитой конституціи, считаются уполномоченными вести политику великой страны. Конечно, я лично очень радъ, что Биконсфильдъ лишенъ возможности поджигать Европу, но кто можетъ довѣрять черни, кричащей сегодня одно, а завтра другое?

Онъ писалъ опять 7-го января 1881 г.

„Я предсказываю, что сессія будетъ безпомощная и безтолковая. Могутъ возстать ирландцы, хотя не думаю, чтобы они возмутились. Если это случится теперь, то дѣло будетъ все же не шуточное.

„У васъ, въ Россіи, много собственныхъ опасностей и заботъ. Не увеличивайте ихъ, не дѣлайте ихъ непреодолимыми введеніемъ конституціи. Одна партія какъ другая, также бессильна сдѣлать добро. Не идите по этому пути. Конституціонное правленіе надо ненавидѣть, бѣжать отъ него; идите мимо.

Фрудъ пишетъ: 23-го марта 1881 г.

„Пожалуйста напишите мнѣ объ ужасѣ, случившемся въ Петербургѣ. Я начинаю ненавидѣть весь этотъ либерализмъ, прогрессъ и развитіе. Апостолы свободы такъ же мало мнѣ по вкусу, какъ они были Гёте, и я былъ бы счастливъ, если бъ вашъ Императоръ заставилъ свой народъ понять, что спасеніе его не въ новыхъ идеяхъ, но въ старомъ, честномъ трудѣ“.

20-го февраля 1881 г.

„При парламентѣ никогда не избираются подходящіе люди въ начальники отдѣловъ, а всегда самые не подходящіе. Не знаю, что объ этомъ думаетъ вашъ другъ Аксаковъ, но пусть онъ вникнетъ въ дѣятельность англійскихъ учрежденій, въ настоящую минуту, пусть это будетъ предостереженіемъ для него, если онъ все еще склоненъ имъ подражать“.

31-го мая 1881 г.

„Я, лично, несмотря на биржу и на враждебныя статьи, все еще вѣрю въ Россію. Народъ вашъ вѣренъ, имѣетъ вѣру въ Бога и у васъ, пока, нѣтъ парламента, поэтому я думаю, что вы усиѣваете, хотя я мало знаю о васъ, но моя вѣра въ ваше будущее сильна“.

Въ томъ же настроеніи онъ пишетъ 21-го декабря:

„Удивляюсь, почему Императоръ не перенесетъ столицу въ Москву, въ настоящій центръ Россіи; на-дняхъ былъ слухъ

скихъ нераскаившихся изгнанниковъ, поселившихся въ Лондонѣ. Она все лелѣяла великодушную мечту: учредить своихъ агентовъ, обязанность которыхъ была бы находить искренно кающихся, введенныхъ въ заблужденіе революціонеровъ, могущихъ возвратиться на родину и сдѣлаться ей полезными. Г-жа Новикова была глубоко убѣждена, что міръ удивился бы тому количеству людей, которые сожалеютъ о своемъ прошломъ и желаютъ возвратиться къ долгу.

Какой-то врагъ русскаго правительства сталъ посылать Ольгѣ Алексѣевнѣ въ 1893 году газету, подъ названіемъ „Свободная Россія“, объявившую себя изданіемъ англійскаго общества „Русской Свободы“. Предсѣдатель этого общества, г-нъ Ватсонъ, ставилъ цѣлью своего изданія попытку „уничтожить русское правительство“, обезславленное имъ со всею изобрѣтательностью нигилиста.

Замѣтивъ направленіе газеты, г-жа Новикова бросала ее, не читая. Какъ-то разъ ей случилось взглянуть на заглавную страницу, на которой были крупно напечатаны имена членовъ Комитета друзей „Русской Свободы“. Къ удивленію и отвращенію своему, она увидѣла имена двухъ членовъ кабинета Гладстона. Членъ парламента Акландъ, членъ парламента Шо-Лефивръ и Томасъ Бёртъ. Она тотчасъ же высказала Гладстону свое негодованіе.

Въ тотъ самый день, пріемъ у лэди Спенсеръ, г-жа Новикова встрѣтилась съ Гладстономъ. Съ обыкновенной своей живостью Ольга Алексѣевна напустилась на Гладстона съ выговоромъ. „Какой стыдъ, что два ваши министра участвуютъ въ журналѣ „Свободная Россія“, органѣ революціонеровъ и самыхъ лютыхъ враговъ Россіи“.

Гладстонъ отвѣчалъ, тоже съ живостью: „Это невозможно, совершенно невозможно. Докажите, иначе я не могу повѣрить“.

„Хорошо, сказала г-жа Новикова, вы увидите доказательство, что я говорю“.

На другой день она стала искать № газеты, но ее, видимо, уничтожили. Что дѣлать? Погода была ужасная: былъ сильнѣйшій туманъ и пронизывающій дождикъ, она не знала, гдѣ найти № „Свободной Россіи“. Не долго думая, г-жа Новикова отправилась въ Сити и лишь съ величайшимъ трудомъ, наконецъ, она нашла нѣсколько №№ 1-го декабря 1893 года.

Возвратясь домой, она съ торжествомъ сѣла писать Гладстону.

5-го декабря 1893 г.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ. Изъ словъ вашихъ, вчера, у Спенсеровъ, я убѣдилась, что вамъ совершенно неизвѣстно все изданіе нигилистическаго органа „Свободная Россія“. Главные основатели этой газеты „Волховскій“ и „Степнякъ“ — настоящее имя послѣдняго очень извѣстно въ Россіи—„Кравчинскій“. Мнѣ приходитъ въ голову, что три члена вашего министерства могутъ и не подозрѣвать, что ихъ высоко почитаемыя имена появились въ такомъ дурномъ обществѣ. Прилагаю печатный экземпляръ въ подтвержденіе моихъ словъ. Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Ольга Новикова“.

Гладстонъ отвѣчалъ.

6-го декабря 1893 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я снесся съ Лефивромъ и посылаю вамъ выдержку изъ его отвѣта ко мнѣ. Долженъ сказать, что Томасъ Бертъ, имя котораго находится въ списокѣ этого мало извѣстнаго общества, человекъ, по моему мнѣнію, совершенно не способный участвовать въ нигилистическихъ планахъ. Если же окажется очевиднымъ какое-нибудь отношеніе къ обществу, я продолжу свое разслѣдованіе и приму противъ этого должныя мѣры. Вѣрьте моей преданности. Гладстонъ“.

Вотъ подлинная выдержка изъ отвѣта министра Лефивра.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ. Одно время я подписывался на общество называемое „Друзья Русской Свободы“, но никогда не былъ членомъ его комитета, и ничего не имѣлъ общаго съ его дѣлами. Изъ бумагъ, присылаемыхъ мнѣ, я не имѣлъ повода предполагать, что онѣ революціонныя. Лефивръ“.

„Г-жа Новикова, въ отвѣтъ на это, послала Гладстону заглавный листъ газеты съ крупно напечатаннымъ спискомъ именъ. Гладстонъ отвѣчалъ.“

8-го декабря 1893 г.

„Дорогая г-жа Новикова, — я передалъ вопросъ о „Свободной Россіи“.

„Очень благодаренъ вамъ за сообщеніе. Мнѣ кажется, что нашему министру не подобаетъ дѣлаться членомъ политическаго общества другихъ странъ. Лучше было бы ему заняться собственными дѣлами, которыхъ у насъ довольно, болѣе чѣмъ довольно“.

„Оба мои коллеги Лефивръ и Акландъ, повидимому, согласны въ этомъ со мной. Они отказали обществу въ своихъ именахъ и говорятъ, что забыли о принадлежности къ нему,

чему легко можно повѣрить, принявъ во вниманіе безчисленное количество частныхъ организацій у насъ“.

„Я не думаю преслѣдовать г-на Бёртъ, развѣ въ томъ случаѣ, если вы это пожелаете, такъ какъ онъ не министръ и онъ такой прекрасный старикъ, что мнѣ не хочется его обезпокоить. Преданный вамъ Гладстонъ“.

Такъ окончился инцидентъ, о которомъ судить можно очень различно, говоритъ Стэдъ, смотря, какова точка зрѣнія читателя. Что г-жа Новикова поступила правильно, это призналъ самъ Гладстонъ. Конечно, министры имѣютъ много преимуществъ, но они также имѣютъ и ограниченія и въ то время, когда имъ ввѣрено веденіе дѣлъ Имперіи, они не имѣютъ права вступать въ общество, котораго открытая цѣль уничтоженіе правительства дружеской державы, въ содѣйствіи съ которой они ведутъ международную политику, какъ было, на примѣръ, въ Европейскомъ концертѣ, въ международномъ третейскомъ судѣ и въ Гаагской конференціи.

Единственное письмо г-жи Новиковой, найденное мною, по поводу послѣднихъ событій въ Россіи, относится къ назначенію генерала Игнатъева министромъ внутреннихъ дѣлъ и его циркуляру.

Москва, 19-го мая 1881 г.

Великое у насъ событіе, назначеніе генерала Игнатъева и его циркуляръ. Вѣроятно, телеграфъ уже сообщилъ всѣ его подробности заграничной печати. Теперь намъ нужнѣе всего національная политика для нашихъ внутреннихъ дѣлъ, т.-е. полный союзъ между Монархомъ и народомъ. Это жизненная потребность. Избави насъ Богъ отъ всякой мысли о партійности, консервативной ли, либеральной или всякой другой. Мы всѣ должны составить одну нераздѣльную партію національную. Будемъ либеральны въ нашемъ консерватизмѣ и консерваторами въ либерализмѣ, если это будетъ нужно для блага Россіи. вмѣсто того, чтобы стыдиться принциповъ, которые въ дѣйствительности составляютъ нашу славу, будемъ держаться нашихъ особенностей, если Россія приняла христіанскую нравственность, пусть же она будетъ и основаніемъ нашей политики.

„Этому послѣднему желанію да скажутъ всѣ народы Аминь“.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).